

Современный человек: в поисках смысла

/ПРЕДИСЛОВИЕ/

Н. Г. Валенурова, О. А. Матвейчев

Сегодня в стране, на наш взгляд, психология как наука и как социальный институт переживает серьезный кризис. И этот кризис тем более опасен, чем он незаметнее, чем более он маскирует себя под «расцвет» и «взрыв интереса». Действительно, на поверхностном уровне мы можем наблюдать невиданное ранее количество публикаций на запрещенные в прошлом темы, множество переводов и переизданий дореволюционной литературы по зарубежной психологии. С каждым годом увеличивается количество вузов, готовящих специалистов-психологов, факультеты психологии становятся престижными. В обществе спрос на психологов также становится все более ощутимым: психологи требуются в детских садах, школах, медицинских учреждениях пенитенциарных учреждениях, службах занятости, отделах кадров коммерческих фирм, на производственных предприятиях и т. д. Увеличивается количество практикующих психологов, психотренеров и психотерапевтов. Все это так. Но это только один аспект, если можно так выразиться, количественный. Однако перехода количества в качество пока ожидать не приходится. Если внимательно приглядеться к тому, что именно сегодня преподается и популяризируется, что пользуется спросом у работодателей, какой образ психологии господствует в массовом сознании, в сознании студентов и молодых ученых, то мы увидим отнюдь не пеструю картину.

Первое, что нужно констатировать при анализе сегодняшней ситуации, это господство психоанализа в самых различных вариантах. Так, представителями одного из направлений являются З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Берн и др., а также их многочисленные ученики, последователи, интерпретаторы (например, транзакционный анализ Э. Берна, микропсихоанализ Э. Фанти, «соционика»). При всех различиях приверженцев этой психологии объединяет убеждение в определяющей роли бессознательного (как бы оно ни понималось) в человеческой психике. Вторым по популярности (особенно в клинической практике) направлением является «физиологическое». Приверженцев этой психологии объединяет убеждение в определяющей роли физиологического, телесного в человеческой психике, хотя доктрины очень разнятся. Здесь представители и отечественных традиций, выросшие на идеях И. Павлова, В. Бехтерева, П. Анохина, Ленинградской школы, и западных «современных» концепций, как, например, нейролингвистическое программирование (НЛП).

И тем не менее при всех претензиях на новизну оба направления берут свое начало в XIX–XX веках. Тогда же, собственно говоря, они достигли пределов своего развития и подверглись серьезной, основательной критике: на Западе – со стороны представителей гуманистической, когнитивной и экзистенциальной психологии, в России – со стороны культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. При всей разности подходов всех этих критиков психоанализа, физиологизма и бихевиоризма отличало одно – стремление сохранить предмет психологии, не сводя его к предмету физиологии или антропологии.

К сожалению, сегодня именно эта, подлинная психология стала постепенно отодвигаться на второй план.

Для некоторых псевдопсихологов огромное наследие советской психологии, и прежде всего школы Л. С. Выготского, оказалось отвергнутым вместе со всем «советским» – как нечто тоталитарное, социалистическое, устаревшее, догматическое. И это в то время как на Западе мы наблюдаем новую вспышку интереса к культурно-исторической психологии. Часть современной молодежи меняет Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева на А. Адлера и Ф. Перлза, считая последних «более новыми». Видимо, должно пройти немало времени, прежде чем это чудовищное историческое недоразумение будет разрешено.

Что касается переводов и работ по гуманистической, когнитивной и экзистенциальной психологии, то следует отметить, что количество их невелико (в сравнении с лавиной переизданий З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Берна, Р. Гриндера и Р. Бэндлера) и популярны они только среди ограниченного круга специалистов (как, например, популярна гуманистическая психология среди педагогов). На наш взгляд, именно возвращение к «вершинной психологии» (в противоположность всем «глубинным» психологиям психоаналитиков) будет и средством выхода из идейного кризиса, и достойным ответом возрастающим потребностям общества в специалистах-психологах.

Экзистенциальная психология – одно из направлений психологии XX века, выросшее как раз в полемике с физиологизмом и психоанализом, что делает ее чрезвычайно актуальной. В то же время экзистенциальная психология претендовала на то, чтобы быть самостоятельным направлением, и в лице многих своих представителей отмежевывалась от гуманистической и когнитивной психологии, выступая с их серьезной критикой. Поэтому опыт экзистенциальной психологии может стать вакциной против возможных в будущем подобных бездумных увлечений (человеку свойственно метаться из крайности в крайность).

И наконец, собственная судьба экзистенциальной психологии весьма показательна. Исходя из определенных теоретических предпосылок, она исчерпала определенные теоретические и практические возможности психологической науки и терапии. Однако, несмотря на все это, говорить об интересе к экзистенциальной психологии пока рано. Появились переводы, касающиеся этой области психологии, но очень мало публикаций содержащих глубокий анализ и обобщения.

Предлагаемая работа является попыткой восполнить этот пробел. Писалась она в середине 90-х годов XX века. Степень разработанности проблемы существования современного человека в отечественной литературе была в то время достаточно слабой. Не существовало ни одной монографии, ни одного диссертационного исследования, посвященного как экзистенциальной психологии в целом, так и отдельным ее представителям. В некоторых учебниках (например, учебнике М. П. Ярошевского) и словарях экзистенциальная психология рассматривается как часть гуманистической психологии, имена же основных представителей просто не упоминаются. Так, в отечественной литературе не было ни одного крупного исследования, посвященного К. Ясперсу, основателю экзистенциальной психологии, хотя на Западе он давно уже признан классиком, а его «Всеобщая психопатология» – одной из фундаментальных работ. Нам удалось обнаружить лишь несколько статей, посвященных творчеству Л. Бинсвангера, другого классика психологии XX века. Его имя не упоминается даже в психологическом словаре, хотя Л. Бинсвангер – потомственный клиницист, долгое время являвшийся президентом Швейцарского психоаналитического общества, постоянным корреспондентом З. Фрейда, действительным и почетным членом десятка академий, а в 1956 году ему была вручена высшая для психиатра награда – медаль Э. Крепелина. Невнимание отечественной психологии к Л. Бинсвангеру тем более странно, что первый его значительный труд «Введение в проблемы общей психологии» повлиял на Л. С. Выготского. И следы этого влияния можно обнаружить в важнейшей методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927). Один из предшественников экзистенциальной психологии, Ф. Brentano, оказал серьезное влияние на другого крупнейшего советского психолога, А. Н. Леонтьева, но, к сожалению, ни теория Ф. Brentano, ни степень его влияния специально не исследованы.

Если вниманием обойдены Ф. Brentano, К. Ясперс и Л. Бинсвангер, то об остальных экзистенциальных психологах, каждый из которых был, между прочим, событием, именем в мировой психологии, и говорить не приходится. Творчеству М. Босса, Р. Лэнга, Р. Мэя посвящены единичные публикации, творчеству В. Франкла – лишь несколько статей, и то прежде всего благодаря тому, что В. Франкл сам приезжал в Москву, чем, бесспорно, способствовал появлению интереса к своей теории. Справедливости ради надо сказать, что попытка представить экзистенциальную психологию как целостное явление все-таки осуществлялась, но осуществлялась не психологом, а философом.

Можно отметить книгу А. Руткевича «От Фрейда к Хайдеггеру» (1985). Она весьма интересна, но имеет два существенных недостатка: 1) свойственную всей тогдашней литературе идеологическую предвзятость; 2) одностороннее изложение экзистенциальной психологии, которая рассматривалась только через отношение к фрейдизму. Необходимо также упомянуть недавно вышедшую монографию Ю. В. Тихонравова «Экзистенциальная психология». Но, как отметил сам автор, это скорее учебно-справочное пособие, поскольку оно имеет реферативный, а не исследовательский характер.

Между тем экзистенциальная психология является отдельным, самостоятельным направлением психологии XX века, имеющим свой предмет (переживания, порожденные проблематикой человеческого существования) и свой метод (феноменология), и не сводится ни к психоанализу, ни к гуманистической психологии, ни к философской антропологии. Проблема переживания социального бытия и его роли в становлении личности является стержневой проблемой для экзистенциальной психологии, проблемой, определившей как идейное развитие, так и границы практического, терапевтического применения концепций данного направления.

Важнейшим методологическим принципом исследования является принцип *приоритета первоисточника*. Несмотря на то, что, как указывалось выше, экзистенциальной психологии ни за рубежом, ни в России не уделялось достаточно внимания и в связи с этим исследователи не страдают от избытка критической или интерпретирующей литературы, тем не менее даже

существующие публикации уже успели задать некую традицию толкования экзистенциальной психологии. Эта традиция во многом предопределяет отношение исследователя (или просто ученого, практика) к экзистенциальной психологии, которое зачастую неадекватно, обременено всевозможными предрассудками, поверхностно и несправедливо.

Это происходит потому, что исследователь не задумывается над теми задачами, которые ставили себе критики и интерпретаторы экзистенциальной психологии. Так, например, если Р. Мэй ставил задачу отделения экзистенциальной психологии от психологии бихевиористской, то он помещал ее под рубрикой «гуманистическая психология» на том основании, что вся небихевиористская психология, по его мнению, является «гуманистической». Если кто-то ставил своей целью проследить истоки и терапевтический эффект, достигаемый экзистенциальной психологией, то он акцентировал внимание на общем комплексе конкретных доктрин, техник и, например, делал вывод, что «экзистенциальная психология – это всего лишь другое название гештальтпсихологии», и т. д. Часть авторов ставили своей целью проследить идейные истоки, так появлялось мнение, что «экзистенциальная философия – это прикладная феноменология». Некоторые авторы (А. Руткевич) рассматривали социальный контекст возникновения экзистенциалистских учений и называли экзистенциальную психологию формой «интеллектуального анархизма».

Примеров очень много. Последствия такого некритического отношения к самим критикам экзистенциальной психологии уже дали о себе знать и в нашей отечественной науке. Названные выше предрассудки по поводу экзистенциальной психологии получили прочную прописку. Поэтому, как всегда в таких случаях, появляется настоятельная потребность изучения первоисточников – текстов экзистенциальных психологов и авторов, оказавших на них непосредственное идейное влияние. В данном исследовании мы имеем дело, прежде всего с трудами К. Ясперса, М. Хайдеггера, Л. Бинсвангера, М. Босса, Р. Мэя, Р. Лэнга, В. Франкла и лишь отчасти – с трудами критиков и интерпретаторов.

Еще одним методологическим принципом построения всего исследовательского проекта служит идея *единства исторического и логического*. Предполагается, что проблемы, заложенные в период возникновения экзистенциальной психологии, предопределили логику ее исторического развития. Именно наличие этой имманентной логики, сохраняющейся вопреки всем внешним влияниям со стороны других школ, со стороны практики, со стороны социально-политической ситуации и проч., позволяет говорить об экзистенциальной психологии как о едином теоретическом и историческом течении. Включенность в эту логику является критерием, по которому мы определяем принадлежность того или иного автора к этому течению и его место в нем. Возможно, что не каждый объявляющий себя экзистенциальным психологом является таковым, не каждый из экзистенциальных психологов занимает в этом течении то место, которое он сам (или правоверные ученики) себе определяют (тем более что, как всегда в этих случаях, каждый считает себя самым великим, самым аутентичным).

Данный методологический принцип помогает встать по ту сторону частных амбиций ученых, а также определяет структуру работы, последовательность рассмотрения исторических фигур. Это последовательность не формально-хронологическая, а логико-историческая. Таким образом, требуется: а) показать *генезис* экзистенциальной психологии как самостоятельного направления, продемонстрировать *специфику ее предмета и метода*; б) выявить *сущностные предпосылки и допущения*, определяющие идейное развитие экзистенциальной психологии и ее терапевтической практики; в) определить *формы* взаимоотношения экзистенциальной психологии с другими школами и направлениями, степень *влияния* экзистенциальной психологии на общественные институты, определить *собственное место* этого направления в психологии XX века.

Объективными предпосылками возникновения экзистенциальной психологии стали: общий кризис конца XIX – начала XX века, связанный с коррекцией естественно-научной картины мира Нового времени, кризис в психологии (осмысляемый, в частности, Л. С. Выготским в работе «Исторический смысл психологического кризиса»), а также методологические исследования психологов В. Дильтея, Ф. Brentano, философов-неокантианцев и Э. Гуссерля, приведших к созданию нового метода – феноменологии.

Взросший объем кросскультурных исследований, подтверждающих главный тезис феноменологии о том, что к предмету исследования нельзя подходить с «внешней» меркой, и усилия культурно-исторических психологов Л. Выготского и Л. Лурия, создавших концептуальную матрицу для включения старых эмпирических наработок в новую парадигму, привели к необходимости, с одной стороны, онтологически обосновать новый метод (уникальность вместо инвариантности, – это теперь не только методологическое требование, но и онтологическая констатация), с другой – попытаться применить новую матрицу по отношению к новой культурно-

исторической парадигме (как материалистическая, биологическая психологии были сняты в культурно-исторической психологии, так и последняя должна быть снята в психологии экзистенциально-личностной).

Эти задачи (онтологизация феноменологии, превращение ее из метода в мировоззрение и разработка мировоззрения, исходящего из приоритета уникальной личности-экзистенции, без привлечения теологии) были решены в работах психолога и философа К. Ясперса и философа М. Хайдеггера. К. Ясперс и М. Хайдеггер задали проблематику, которую позже исследовали все экзистенциальные психологи (проблемы смерти, пограничной (критической) ситуации, вины, тревоги, заполнения экзистенциального вакуума, одиночества и проч.).

Расхождения между К. Ясперсом и М. Хайдеггером по вопросу взаимоотношения общества и личности определили в дальнейшем две ветви в экзистенциальной психологии (Ясперс: экзистенция как надстройка над социальным бытием; Хайдеггер: выведение социального бытия из экзистенции). Л. Бинсвангер, хотя и стал экзистенциальным психологом под непосредственным влиянием М. Хайдеггера в силу «продуктивного непонимания», развивал скорее ясперсовскую социально-центрированную версию экзистенциальной психологии и терапии. М. Босс, другой ученик Хайдеггера, развивал индивидуально-центрированную версию экзистенциальной психологии и терапии.

Проблема взаимоотношения индивида и общества, таким образом, является фундаментальной для экзистенциальной психологии, определяющей ее эволюцию и терапевтическую практику. Однако стоит отличать подходы к решению этой проблемы от подходов, принятых в других психологических школах. Культурно-историческая психология Л. Выготского также решала эту проблему. Можно сказать, что концепции культурно-исторической психологии и экзистенциальной психологии существуют по принципу дополнительности, поскольку культурно-историческая психология исследует континуальную историю личности и большое внимание уделяет проблемам опосредования, тогда как экзистенциальная психология исследует дискретную историю личности и сосредоточивает свой интерес на переживании катастроф, кризисов, разрывов постепенности, отсутствия смыслов, столкновений с чуждой социальностью и проч. Общим для культурно-исторической и экзистенциальной психологии является положение, что специфика личности во многом определяется тем, как будут выстраиваться отношения между ее внутренней уникальностью и ее вовлеченностью в различные социальные контексты.

Л. Бинсвангер повлиял на Р. Мэя, чья популяризаторская деятельность способствовала тому, что экзистенциальная психология стала известна в мире, особенно в США, и стала рассматриваться как одна из версий гуманистической психологии, поскольку и там и там практиковалось «лечение любовью». Эта ветвь экзистенциальной психологии стала выдавать себя за всю экзистенциальную психологию. Но даже в этом случае сведение экзистенциальной психологии к гуманистической психологии неправомерно, поскольку экзистенциальная психология, во-первых, сохраняет свою тематику и проблематику (осмысление смертности, тревоги, вины, одиночества и т. п.); во-вторых, критически относится ко многим традиционным темам гуманистической психологии (тема самоактуализации, тема психологических потребностей и проч.).

Версия М. Босса стала рассматриваться как экзотическая, маргинальная; ее влияние распространилось на деятелей контркультуры, ярчайшим представителем которой стал психолог Р. Лэнг. Влияние контркультурного движения конца 60-х годов оказалось столь велико, что привело к серьезному изменению отношения общества к психическим заболеваниям и методам лечения. Антипсихиатрия Лэнга дала серьезный гуманистический и практический эффект. В то же время она продемонстрировала полную несостоятельность фундаменталистских претензий экзистенциальной психологии.

Экзистенциальные психологи, с которыми ассоциируется современная экзистенциальная психология, такие, как В. Франкл, И. Ялом, отказываются от фундаментализма, свойственного Л. Бинсвангеру, М. Боссу, Р. Лэнгу и другим ученым, пытавшимся представить экзистенциальную психологию в качестве основной фундаментальной психологии, из которой другие психологические школы должны черпать понятия и методологические указания. В. Франкл ограничивает область действия экзистенциальной психологии «ноогенными неврозами» (невроз безработицы, невроз «отсутствия смысла жизни» и т. д.) и рядом специфических психологических техник, основанных на способности человека к трансценденции. Таким образом, экзистенциальная психология в лице ее современных представителей нашла свое место в психологической науке и культуре.